

Рудольф Азбукин

ЗЕМЛЯК ТУХАЧЕВСКОГО

Восьмого мая 1945 года командир гвардейского механизированного корпуса генерал-майор Василий Леонтьевич Лапин получил приказ командующего танковой армии вывести корпус из Дрездена, выйти на линию Либштадт-Кенигштейн. Заняв Кенигштейн, генерал Лапин обосновался со штабом в почтамте, так было удобнее. Топографы принесли свежие карты самых разных масштабов. Генерал внимательно изучал предстоящий театр военных действий. Так вот куда забросила его судьба! Все было ему знакомо. Знакомо с 1916 года, с тех самых пор, когда попал сюда, в этот Кенигштейн, в лагерь военнопленных...

Между Сувалаками и Августовым 110-тысячную армию генерала Сиверса немцы зажали такими клещами, что армия перестала существовать. Ночь стояла темная, страшная, плачущая метелью. Немцы обошли русский полк и ударили с тыла. Вольноопределяющийся Лапин получил тяжелую контузию и очнулся уже в полевом немецком лазарете. А потом эшелоны с пленными пошли в глубь Германии. В лагерном госпитале Лапин лечился более месяца. У немцев во всем был порядок. Орднунг! Как-то объявили, что тем, кто даст подписку, что не сделает попытки к бегству из плена, передадут немецким бау эрам или бюргерам, где они будут работать за хлеб, воду, угол, стол и даже за немецкие марки. Кто не согласится работать у бюргеров, тот будет

отправлен в Рурский угольный бассейн в шахты. Кто-то решил поехать в Рур, а многие из крестьян решили, что лучше работать на бюргеров.

Наутро пленных построили на плацу в две колонны. Приехали "покупатели" – тонкие и толстые бауэры и бюргеры, менши и фрау. Дело в том, что пленные продавались, не дорого, а за столько, сколько Германия истратила денег на каждого, на пленение и доставку в лагерь. Начался базар. Немцы деловито осматривали "товар", щупали мускулы, осматривали зубы, уши, ноги, измеряли рост, а у полноватых даже кровяное давление. Орднунг! Василия купил здоровенный, толстый Карл Бем. Осмотрел, потрогал мускулы, ладони, буркнул "Гут, гут!" и остановил свой выбор на нем. Карл Бем привез батрака на легкой однокопной повозке в свое имение в Хохдорф. Во двор бюргера высыпала вся семья Карла. Жена Гильда, сын Генрих, дочка Эмма, экономка, тетка Гильды фрау Анни. Поместили русского в небольшую конуру между конюшней и свинарником, где хранился фураж, конская сбруя, мелкий инвентарь. Надо сказать, что Василий происходил из дворянской семьи. Мать его, Серафима Трифонова, преподавала в духовной семинарии немецкий язык, отец, Леонтий Александрович, - физику, астрономию, столярное дело. Семья богатой никогда не была. Каждый из родителей учил сына тому, что знал сам. Учился Васи-

лий в той же духовной семинарии, где преподавали его родители, и немецкий знал лучше школьной программы.

На новом месте Василий проснулся рано утром, осмотрел постройки – все сделано добротно. Стены из дикого камня, крыши под черепицей, стекла на скотных дворах толщиной с солдатскую подошву будут. Из дома вышел Карл, обрызгший, в галифе, в подтяжках, в тапочках. Показал Василию немец что и где надо делать. Орднунг! С утра до темной ночи работал Василий. Голова болела, руки опускались – сказывалась контузия. Хозяин держал его впроголодь: суп картофельный без мяса, кусок ячменного хлеба, зато воды – вдоволь.

Только присядет русский на бревно, как тут же появляется Бем и кричит: "Шнель, шнель, русские швайн, арбайтер, арбайтер!" (Скорее, скорее, русская свинья, работать, работать!) А для большего морального давления немец как-то принес журнал и показал Василию карикатуру на русского царя Николая II. Сидит Николай на винной бочке с надписью "Шнапс" верхом, в лаптях, в изорванном мундире и в эполетах, с лентой через плечо, рыжий, небритый, корона у него на бок съехала, в обеих руках по бутылке водки держит, и надпись под картинкой "Царь Николка я, Монополка моя". Карл смеялся, а Василию обидно. В другой раз принес этот же журнал, а там опять карикатура на русских: сидит за столом русская семья, чай пьет, все мужчины страшные, обросшие бородами, на лбу рога, уши свиные, а женщины еще страшнее – лица лошадиные, гривы распущены – дикари, да и только! Над столом на нитке висит ком сахара, а семья по очереди лижет его. Карл смеется, спрашивает: "Так у вас, у русских, чай пьют?" Горько и обидно стало Василию: "У нас вас тоже так рисуют, но я не верю плохим журналам".

Вскоре заметил Карл странность одну за Базилем (так он называл русского), что немецкий он понимать стал быстро, да и разговор быстро осваивает. Спросил его, в чем дело? А Василий ответил ему, что, мол, проще просто-

го – слышит он, как немцы разговаривают, повторяет и учится. Дивится немец – откуда у русского такие способности!

Подошла пора весеннего сева, велел Карл носить на повозку мешки с удобрением. Подошел Василий к штабелю с мешками и прочитал по-латыни: “Суперфосфат. Томасшлак. Селитра. Чили”. Немец оторопело взглянул на своего Базиля и спросил: “Где ты научился по-латыни читать?” А Василий ответил, что, мол, у нас в России каждый это умеет, а если кто еще и поучится, то и говорить по-латыни и по-гречески будет. Ничего удивительного! Немец оторопело выпучил глазищи, они у него сделались стеклянные и мутные, как пуговицы на подштанниках. А Василий продолжал дурачить немчину.

Наступила пора убирать ячмень... Карл выкатил из сарая жнейку, заложил в нее пару лошадей и поехал косить ячмень. Василия оставил дома, так как считал его негодным к полевым работам. Часа через два вернулся злой, красный, как стручковый перец. Обругал Василия немецкой бранью. Оказывается, сломалась жнейка – переломился у самых болтов шатун, граблины разболтались, а время не терпит. Послал Карл Базиля за мастером, жившим тут же в Хохдорфе. А мастера-то и нет – в Дрезден уехал. Решил Василий отремонтировать жнейку сам. Сделал все, как для себя, только чтобы завтра косой не махать. Немец растерялся. А Василий: “У нас в России у каждого хозяина таких по две, а то и по три будет”.

Ушел Карл домой, а оттуда его жена Гильда вынесла Василию огромный бокал молока, большой кусок хлеба и колбаску.

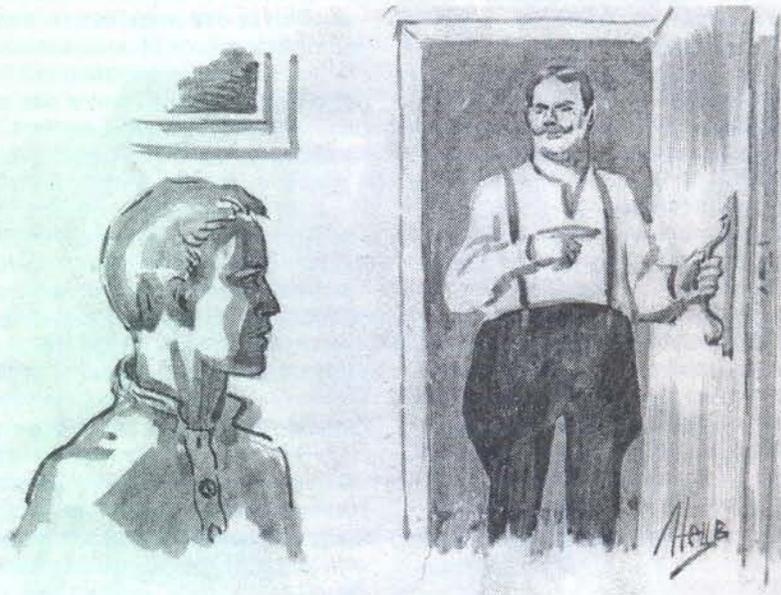
Привелось Василию и с детьми Карловыми позаниматься. Осенью помог Генриху с переклассификацией по математике. Перешел немчук в восьмой класс на радость родителям! После этого Карл перевел Базиля из каморки в дом, выделил ему комнату, освободил от работы по уходу за скотом и попросил продолжать занятия с Генрихом по физике, химии и математике. Анни стала носить Базилю еду в его комнату да еще и жало-

ваться на страшную жадность Гильды. Да тут еще и международная комиссия Красного Креста пригрозила штрафами, за то что не платят работникам положенные марки. Не стал искушать судьбу Бем – посадил на другой день Базиля в фэзтон, съездил с ним в Кенигштейн, купил все что нужно молодому человеку в его возрасте: плащ, шляпу, брюки, штiblеты, пиджак, две пары нижнего белья, сапоги для работы. Василию объяснили, что теперь он может писать письма домой через нейтральную Швейцарию, они дойдут до России. Вскоре и из России регулярно стали приходить письма.

Как-то раз получил письмо из дома Василий и загрустил – на родину захотелось, все в этой немечине протривело, осточертело. В раскрытое окно доносились звуки скрипки. Это к Эмме пришел учитель музыки, начал урок. Василий попросил у них скрипку, приладил ее поудобнее к подбородку, взял смычок и стал играть сначала робко, потом все увереннее и увереннее. Пришла Гильда, попросила играть еще. Карл, как всегда, широко раскрыл свои глазищи на загадочного русского Базиля и опять спросил, где научился русский играть на скрипке. Пришлось Василию отвечать, что там, дома, когда он был ребенком, музыкой с ним занимался его отец – фатер – и его дедушка – альтфатер – Трифон. Карл, как услы-

шал про то, что дед русского был Трифон, сразу подумал о дворянском происхождении Базиля и не ошибся. Как не пытался объяснить Василий, что Трифон – это просто имя, Карл ничего не понял, кроме того, что его русский пленник трижды дворянин. Чудные и загадочные эти русские! Карл Бем и здесь решил извлечь для себя пользу. Он попросил (уже попросил) Василия заниматься музыкой с Эммой, так дешевле будет. В этот же день Карл дал указание Гильде и Анни перевести Базиля в общую столовую кушать за одним столом рядом с ними и даже увеличил ему денежное содержание! Вечером Василий был приглашен хозяином в местную пивнушку, которую тут называли “Клуб”. Вместе пили пиво, и Карл хвалил своего работника: “Даже я не умею играть на скрипке и решать задачи, а мой Базиль умеет! Колоссаль!” Так прошло полтора года. В одно из воскресений Василий у “Клуба” узнал от русских пленных, что в России теперь произошла революция, что царя скинули, что в России теперь свобода! Но война не прекращалась. Уже осенью новое известие: “Опять революция, да не простая, а какая-то пролетарская”. Вот тебе здрасьте! Говорили, что будет мир с немцами без выплат и без денег!

И вот случилось! Летом 1918 года с первой партией обмена во-

енно пленными Василий ступил на родную российскую землю. Добрался через Москву до Симбирска и до своего родного города Н-ска. Встретился с родителями, жил у них до августа. По знакомству устроился в отдел народного образования, но проработал недолго, свалил тиф. В тифозном бреде провалился в Александровской больнице до 20-х чисел сентября. Выписался, когда в городе уже всюю хозяйничали красные. Симбирск бурлил. Двигались войска, куда-то спешили навстречу друг другу вестовые, комдив Гай на Соборной площади делал смотр своим войскам. Имена Тухачевского, Гая, Варейкиса, Гимова были у всех на устах. И тут Василий вспомнил, что Михаил Николаевич Тухачевский служил вместе с ним в шестой роте Семеновского полка и они были знакомы лично. Тухачевский приглашал Василия в офицерскую землянку и там соревновался с ним в искусстве игры на скрипке, причем обращался к нему исключительно "земляк", что должно было означать их землячество по Поволжью. Да и все русские на любой войне становились земляками. Сам Тухачевский был родом из Чембарского уезда Пензенской губернии. Служил подпоручиком в роте, пользовался у солдат уважением и

любовью, был справедлив, пулям не кланялся. В боях под Кржешовым увлек роту в штыковую атаку и отбил у немцев горящий мост, за что награжден был Владимиром 4-й степени с мечами. Даже в плен они вместе попали, только потом разделили их по разным лагерям – одного в лагерь для рядовых, другого – для офицеров. И вот теперь неожиданная встреча в Симбирске. Тухачевский – командующий армией революции, а Лапин – бывший вольноопределяющийся, бывший пленный, бывший инспектор наробраза... Никто, в общем.

Красные объявили мобилизацию в армию. За уклонение пригрозили репрессиями. Пошел вступать на военный учет и Василий. В военном комиссариате попался ему веселый, разбитной морячок Павлуша, не шибко грамотный, но находчивый и острый на язычок, любитель шутки, прибаутки. Он тут же "призвал" Василия в Красную Армию, зачислил его в комиссариат помощником. Так началась служба Василия в Красной Армии... Провели призыв, организовали краткосрочные курсы младших командиров, взяли на учет ограничено годных для службы в тыловых подразделениях. Как-то раз был Павлуша на приеме у Тухачевского в его ваго-

не на Тутях. Командарм обратил внимание на аккуратность исполненных штабных документов и поинтересовался чья эта работа. Павлуша ответил, что выполняет их в комиссариате только что призванный красноармеец Лапин рассказал, что, вроде, в одной роте служил с командармом в Германской войне. Тухачевский вспомнил "земляка". По фронтам гражданской войны прошел Василий Лапин вместе со штабом Михаила Николаевича. За Симбирском последовала Самара, Бугульма, Бугуруслан, Уфа. Громили колчаковцев, успокаивали Сибирь, добивали Деникина под Орлом и Ростовом, совершили марш-бросок на Варшаву. Под Варшавой отступили. Служба Василия стала хорошей школой для будущего командира. Служил в шифровальном отделе, в картографическом, в разведке, в контрразведке, был помощником дежурного по штабу армии. Близко с Тухачевским он не сошелся, не до того было, но вот дружеское обращение командарма "Привет землякам!" или "Земляк, здравствуй!" было всегда. Окончилась гражданская война, получил Лапин направление на краткосрочные курсы краскомов в Москву. Поехал и началась военная карьера. И вот наступил 1938 год. Арестовали Тухачевского, маршала Советского Союза, заместителя наркома обороны. Широко раскинула сети государственная безопасность. Арестовали и Лапина. Лапин к этому времени уже носил в петлицах две шпалы. Тухачевского не видел с 1922 года и ничего не мог показать следствию. Однако после суда тройки получил десять лет... Сидел в коми-пермяцких лагерях. Писал жалобы, письма, прошения Сталину, Калинин, Ворошилову. Писала и его чудесная, милая, симпатичная жена, Людмила Михайловна. Писала, пока военный комиссар не пообещал отправить ее вслед за мужем, если не прекратит писать. Бросила писать, и даже развод оформила, а через три месяца вышла замуж за того самого комиссара. Да только ненадолго. Вскоре ее нового мужа арестовали и расстреляли. Свобода пришла к Лапину на восьмой день войны – 29 июня 1941 года. В шта-

бе Московского военного округа направили его в заштатный городок Барыш Средневолжского края формировать артиллерийский полк. С этим-то полком в ноябре 1941 года он прибыл под Тулу. Затем Битва под Москвой, Сталинград, краткосрочные курсы командиров дивизий генштаба. И вот май 1945 года, весна, Победа! Корпус генерала Лапина в центре Европы. Ему предстоит маршбросок на Прагу. Операция уже разработана до мельчайших деталей. А комкор Василий Лапин уличил свободную минутку – в Ходдорф собрался съездить, туда, где пришлось ему в 18-м году пленным батрачить. Взял с собой майора Смерша, адъютанта, двух автоматчиков и шофера. Вот и знакомый дом. Вышел Карл Бем. Сколько ему сейчас? Должно, уже под семьдесят. Немец шел навстречу старческой походкой, внимательно смотрел на генерала и не мог понять, зачем он понадобился этому русскому.

- Morgen, morgen Karl Bem! – приветствовал “хозяина” Лапин.

- Не имею чести, не знаю, кто вы такой, – быстро заговорил Карл.

- Знаешь, знаешь, – улыбаясь и добродушно возразил ему Лапин. – Посмотри внимательно, меня ты забыть не можешь.

Немец пристально всмотрелся в лицо русского генерала, осмотрел фигуру, на его лице промелькнула улыбка, удивление, радость встречи и осторожность.

- О, майн готт! Это Базиль! – воскликнул пораженный Карл.

- Узнал, узнал, через 27 лет узнал. Это я, Карл, твой батрак.

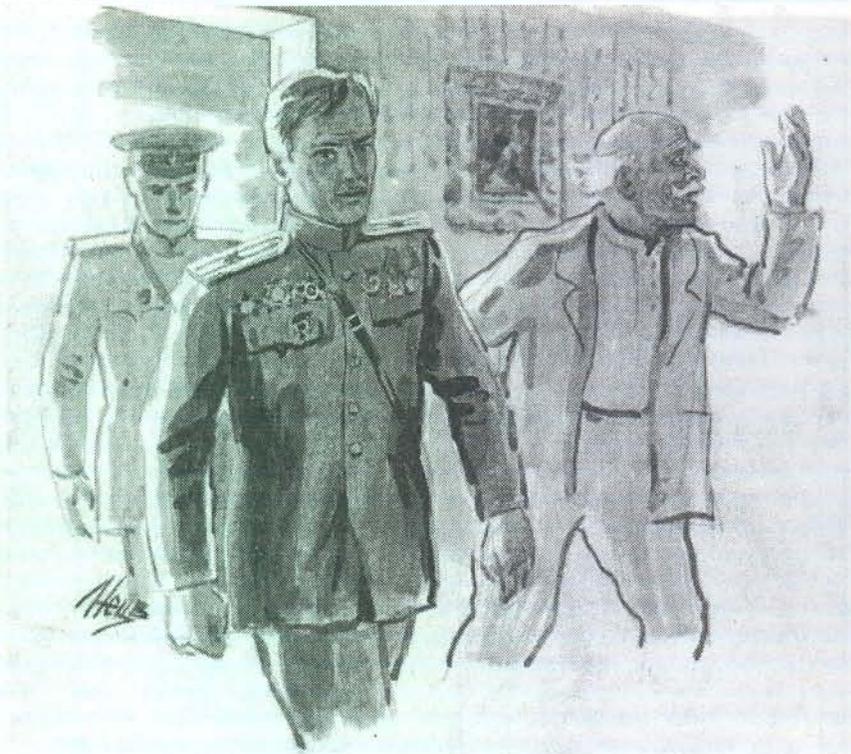
- Нет, не батрак, друг. Мы так часто вспоминаем вас, господин генерал. Нам стало так плохо, когда вы уехали, – начал подхалимничать Карл, сам того не замечая.

Карл пригласил неожиданных гостей к себе в дом, в гостиную.

- Гильда, Гильда, – кричал Бем с порога, – смотри, кто к нам приехал! Наш гость – генерал!!

Карл больше не решался называть Лапина Базилем, как недавно вырвалось у него от неожиданности. Эмма, увидев Лапина, сразу же узнала его и приветствовала как старого друга

- Мы всегда вас так любили, –

заискивающе лепетала Гильда.

В гостиную забежали девочки семи-восьми лет и мальчик лет двенадцати, за ними шла незнакомая Лапину женщина. Эмма вспомнила их уроки музыки, посетовала, что забросила скрипку после отъезда Василия и даже предложила подарить ему скрипку. Но Лапин перевел разговор. Спросил о Генрихе, поинтересовался, что за дети, что за незнакомая женщина. И все Бемы наперебой бросились рассказывать ему, что это жена Генриха, фрау Эльза, живет у Бемов, а Генрих погиб в 41-м под Москвой. О, это так ужасно, так ужасно! А девочки – его дочери, ну так похожи на него, так похожи. Мальчик оказался сыном Эммы, а муж у нее тоже погиб в России. Его звали Вальтер, такой хороший был этот Вальтер, такой хороший, и вот погиб под Орлом. Перебивая друг друга они говорили, что война – это очень плохо, зер шлехт, и спрашивали, что теперь с ними будет, нельзя ли проверить, может быть их сын и зять живы и работают где-нибудь на русского бюргера и как бы это было хорошо. В их глазах теплилась надежда. Фрау

Гильда даже прослезилась, ах, если бы это оказалось правдой. Но у них были официальные извещения, что их сын и зять “погибли в боях за Великую Германию и за Фюрера на Восточном фронте”. Карл между тем принес бутылку вина, поставил на стол рюмки, пригласил всех сесть за стол. Все, кроме детей, подняли рюмки, выпили немецкое кислое вино за встречу и стали прощаться. Фрау Гильда сухо, по-немецки, поцеловала генерала в обе щеки.

Приехав в свой штаб, в Кенигштейн, генерал еще долго работал, сидел, разбирал бумаги. Он сидел и вспоминал, как в 41-м году под Калугой он допрашивал пленного немецкого полковника, оберста, и этот немец сказал ему, что поражение немцев под Москвой всего лишь запятая в этой войне. Лапин ответил ему тогда, что эту запятую русские переделают в твердую точку. И вот сейчас его моторизованная армада начинала свой знаменитый рейд на Прагу. Его корпус переделывал ту подмосковную запятую в твердую большую точку.

Рис. Л. Нецветова